Денис ЛИПАТОВ

ТАМ, ГДЕ СНЕГ ЗАРОС ОСОКОЮ

Ната Сучкова. Страна: Сборник стихотворений. – М.: Воймега, 2020. – 44 с.

«Страна» уже четвёртая книга стихов Наты Сучковой, изданная «Воймегой». До этого были изданы «Лирический герой» (2010), «Деревенская проза» (2011), «Ход вещей» (2014). «Страна», безусловно, наследует поэтике своих предшественниц – то есть если бы все четыре книги попали к читателю без титульных страниц, он, я думаю, не затруднился бы по прочтении определить их родство и вполне уверенно мог бы утверждать, что их написал один поэт. Стихи из «Страны», например, довольно легко можно представить разбросанными по страницам трёх предыдущих книг: они ни в коем случае не противоречат их замыслу и поэтике. Скажем, такие стихотворения, как «Притормози слегка, раскручивая глобус…», «Говорил старик – ледяная глыба…», «Первый муж – Василий и второй – Василий…», «Вологодский романс», «Там, где снег зарос осокою…» и т.д. вполне органично смотрелись бы и в «Деревенской прозе», и в «Ходе вещей», и в «Лирическом герое». И всё же эта книга – другая. Другая страна. Хотя бы потому, что проделать обратную операцию уже не так легко, и далеко не все стихотворения из трёх первых книг можно мысленно включить в состав «Страны». Мне, например, трудно вообразить рядом с «Вологодским романсом» «Похищение Евы» или «Гимназический цикл» из «Лирического героя», или «Две реки» из «Деревенской прозы» и «Дзинтари» из «Хода вещей». Даже в силу классического правила единства времени, места и действия, которое для книги стихов, конечно, не указ, но в «Стране» Наты Сучковой, по воле автора, в некоторой степени всё-таки – указ. Это не большая страна, и она не могла бы вместить в себя, например, Латвию, о которой написан цикл «Дзинтари», или Польшу, в которой происходит действие поэмы «Похищение Евы», и уж тем более «Две реки», одна из которых Римская, а другая – Египетская, в стране, где уже есть река Вологда, совсем избыточны.

А вот, скажем, стихотворение о Васе-Черепе и Ване-Хане «Стоят, сполна всего помыкав…», которое присутствует и в «Лирическом герое», и в «Деревенской прозе», достаточно легко могло бы найти себе место и в «Стране», потому что и Вася, и Ваня, «помыкавшие сполна среди затоновской шпаны», и в рождественский сочельник «делящие пополам фанфурик», – её природные жители.

Что же это за страна? В самой книге мы найдём такие её определения:

Эта **чугунная ванна была страной**,
Точно броня, тяжела, и её тащили
папа и дядя Коля. Стоят спиной.
Невероятно сильные и большие.
(«Рыжий в коляске – с одной диатезной щекой…»

или

Пуста **волшебная страна**, голодный ветер воет,
Идём домой, идём домой, скорей-скорей идём!
Ну, здравствуй, зимушка-зима! Тут никого на свете –
Сфотографируйся со мной под этим фонарём.
(«Тьмутаракань и тьма, мир ватою облеплен…»)

В стихотворении «За железными засовами что ни век – идёт война…» читаем: «**монохромная** страна». А уже через пять страниц она красавица:

Что дальше Вологды, ребята?
Архангельск, Котлас, Воркута.
В какой карман захочет спрятать
тебя **красавица-страна?**
(«Что дальше Вологды, ребята?...»)

И эта же «красавица-страна» через два стихотворения названа дырой. Причём «дыра» эта, как характеристика глухомани, места прозябания и запустения, трансформируется из вполне конкретной дыры в заборе, в которую, как в телевизор, герои стихотворения бомжи Лопух и Крапива смотрят облака:

Её залатают: тут – косо, здесь – криво,
гудроном зальют, а пока
сидят эти двое – Лопух и Крапива –
и смотрят в дыру облака.

Как будто им дети мороженку дали
и скоро исполнится всё,
как будто бы пазик их в светлые дали
из этой дыры унесёт
(«На пыльном забое вдоль пыльной дороги…»)

Кстати, облака, за которыми наблюдают Лопух и Крапива, заметная деталь в пейзаже «Страны» и вообще важный образ в поэтической системе координат Наты Сучковой. В предыдущих книгах мы могли видеть, что, например, «тёплое облако синее можно поймать за хвост», и потом «облаком с вышивкой набивной» бабушка укрывает внучку («Тёплое облако синее…», «Деревенская проза»), или телята в стихотворении «Как круглей всего земля с северу…», наевшись клевера, «не мычат, а голосят-охают, / Точно в каждом с порося облако», а дед Никола и дед Борис в стихотворении «Говорит дед Никола, окая…» спорят, с какого облака, как в цветной телевизор, лучше видно, что происходит с их внуками на земле (оба последних стихотворения из «Хода вещей»). В «Стране» же с облаками происходит вот что: они зависают «мягкой глыбой» («Был пруд, и в том пруду – полно амфибий…»), на них, как на грузовиках, развозят молоко («Вот облако сорвалось высоко…»), мальчику во сне видится, что на облаках плывут танки («Мальчику снится красивая летняя улица…»), наконец, их из воды и ваты производит фабричная труба, и чтобы они – облака – не прокисли, в колокола надо звонить очень осторожно («Этой плошке молока кошка мелковата…»). Надо сказать, что сами по себе облака как поэтический образ настолько очевидны и ожидаемы в стихах вообще, что поэт, прибегая к нему, рискует наговорить банальностей и нагородить штампов. Но, как видно из приведённых выше примеров, Нате Сучковой удаётся этого избежать. Поэтическое зрение не подводит её, и в результате облака в «Стране» не висят безвкусной ватой, а создают дополнительный объём, своеобразный метафизический простор. Благодаря этому образ страны становится трёхмерным, приобретая координату высоты, и хотя это, как мы уже замечали, не большая страна, нам здесь совсем не тесно.

В финальном же стихотворении появляется ещё и такой образ: «Вот страна моя – **флисовая кофта**…», а ниже сказано, что страна эта – **грустная**, но «другой не хочешь». Уподобление флисовой кофте создаёт ощущение домашнего тепла, уюта, родства, даже несмотря на все предыдущие «тьмутаракани», «дыры», «голодные ветры», «чугунные ванны» и каких-то подозрительных и возможно не совсем добрых «красавиц», которые

зачем-то хотят спрятать тебя в карман. То есть при всём многообразии определений у нас не остаётся сомнений, что книга написана не путешественником, а таким же природным жителем этой страны, который себя без неё не мыслит и смотрит на неё не как досужий наблюдатель, сочиняющий путевые заметки, а всю её переживает и проживает. Который сам в ней растворён. Здесь становится очевидным и понятным ещё одно важное отличие «Страны» от предшествующих трёх книг: в ней нет стихотворений, из которых мы смогли бы узнать что-либо о «настоящей» жизни автора, о том, что в ней происходит, о чём он страдает, что его тревожит, нет стихотворений-рефлексий, «о личном». Автор неуловим. Он везде и он нигде. Практически не используется местоимение «я». В «Стране» не встретить словесных конструкций, подобных тем, которыми начинаются многие стихи в первых трёх книгах: «Сегодня я вижу особенно… Вижу особенно чётко…», «Допустим, маленькая я…», «Я думала, их уже не существует…», «Хорошо ли, плохо за морями – / я стою под проливным дождём…», «Всё мне кажется: я иду по дну…», «Всё никак я не усну, чудится мне всякое…» и т.д. То есть автор максимально *не эгоистичен*, принципиально не фокусирует внимание на себе, потому что и творческая задача у него – рассказать не о себе любимом, а о «Стране». Соответственно и единый образ лирического героя в книге неуловим. Он тоже растворён. Вернее, этот лирический герой в книге – коллективный. Он – это жители «Страны», которые и видят её грустной, волшебной, монохромной, чугунной, из которых она и состоит. Перед нами целая галерея образов, каждый из которых оживает благодаря рассказываемой им или о нём истории. Если провести своеобразную «перепись населения» «Страны», сосредоточив внимание хотя бы на тех, кто упомянут по именам, то мы увидим довольно разношёрстную, но всё же однородную компанию. Вот, например, «баба Маня чистит рыбу – / пузатых задремавших карасей», вот «дед Макар лущит лес на лучины», вот тащат тяжёлую чугунную ванну уже знакомые нам «папа и дядя Коля… невероятно сильные и большие», вот «Николай идёт драчливый», вот играют в хоккей «Рюмин Володька и толстый Никита… щекастый Андрюшка, Папаха, Санёк полоротый», вот баба Шура и два её покойных мужа – «Первый муж Василий и второй – Василий, / Первый нелюбимый, а второй – ох, сильно!», и почтальонша Люся, которой баба Шура поручает отнести в церковь за любимого Васю конфет, пусть и дешёвых, и попросить ему Царствия небесного, а за нелюбимого, окаянного Ваську – так уж и быть – просто поставить свечку. Почтальоншу Люсю мы, кстати, уже встречали в 2014 году в «Ходе вещей» в стихотворении «Почтальонша Люсенька – зад в горохах жёлтых…». Она так и работает на почте. Вот «бредёт Володя – костыли скрипят по снегу», а за ним «На мягких лапах в новый год не без усилий / Ступает вслед Володе кот – хромой Василий», вот Андрейка, которого рыбари в крещенскую ночь просят налить воды, а когда «проморгались», увидели, что на берегу, где он стоял, вырос храм, «белостенный, глыба», вот, наконец, устроились под забором двое бомжей – Лопух и Крапива – и смотрят в дыру облака. Вот их как много. И это только те, кого мы знаем по именам. А есть ещё «старик – ледяная глыба», есть «рыбаки – что-то вроде норвежского бога», есть поэты, приходящие к открытым дверям музучилища, простуженный хормейстер, спившийся пианист, «ко всему равнодушные любители пения птиц» и т.д. Наряду с реальными жителями в «Стране» есть и полумифические персонажи, которые тоже чувствуют себя здесь вполне комфортно. Например, на странице 11 среди уже привычного и невесёлого захолустья – покосившийся забор, заросший крапивой двор, лужи по колено – вдруг как ни в чём не бывало появляется сам Пушкин, да ещё с айфоном и на «ниссане»:

«Русь» стоит, вокруг – забор,
у ворот – корыто.
А у Пушкина айфон –
новенький, да битый…

…За крапивою – вокзал,
тройки с бубенцами,
проезжал когда-то царь
мимо на сапсане.

А теперь закрыт вокзал,
лужи – по колено,
но у Пушкина ниссан –
старенький, да целый.
(«Русь» стоит, вокруг – забор…»)

Кроме Пушкина здесь ещё живут: Дельвиг, Жуковский, Бенкендорф, Мересьев, Печорин, Афанасий Карпович Хек, исполняющий роль Фета, команданте Тюльче (Тютчев). Даже царь (Николай I) проезжает мимо на «сапсане». Правда, с остальными жителями они почти не встречаются, предпочитая общаться в своём кругу:

В инстаграме Пушкина – зимняя дорога,
Маша-недотрога, синие глаза.
Лайкает Жуковский, пара-тройка ботов,
Бенкендорф не лайкает Пушкина, нельзя.

В инстаграме Пушкина дворики одесские,
дюжина шампанского, устрицы во льду,
пистолет на бархате, папильотки женские,
валенки извозчиков – обнови, найду.

Дальше – лет за сто листай – автор нас не радует:
мутное и зябкое, строки от руки,
воробьи и ангелы, облака и радуги
и вопрос от Дельвига: «Пушкин, где стихи?»
(«В инстаграме Пушкина – зимняя дорога…»)

Кстати, интересная деталь: айфоны, инстаграмы и прочие атрибуты современности в «Стране» есть только у Пушкина с Дельвигом и Бенкендорфа с Жуковским, а остальные жители прекрасно обходятся без них. И то сказать, откуда у всех этих Макаров, Василиев, полоротых Саньков, Андреек и т.д. айфоны и инстаграмы и зачем они им? Но страна совсем не замкнута во времени, она существует здесь и сейчас, и айфоны, инстаграмы, «ниссаны» также обыденны и привычны в её реальности, как, например, та же флисовая кофта, они не удивляют, правда, приобретают некий потусторонний характер, как и их полупризрачные владельцы, для которых сама страна, может быть, некая область посмертия, своеобразный лимб, где активная деятельность для них невозможна (Пушкин уже не пишет стихов – «автор нас не радует», – и Дельвиг, задавая свой вопрос, прекрасно понимает, что их уже никогда и не будет, и поэтому вопрос этот так безнадёжно грустен), а возможно только вот такое полупризрачное существование – в инстаграме, в виртуальной реальности, в полусне, в качестве мифа. Удивительно, но такой способ существования не сильно отличается от образа жизни и самих реальных жителей «Страны». Какая-то дрёма, неповоротливость, вязкость полусна ощущается во всём их бытовании. Здесь есть инстаграм, айфоны, мимо проносятся «сапсаны», но всё это ровным счётом ничего не меняет в их жизни. Это и правда «дыра», а не какая-то милая провинция, которая может привлечь своим патриархальным, неторопливым и осмысленным бытом, чуждым суете и тараканьим бегам мегаполисов. Словом, не то место, где «оскорблённому есть сердцу уголок», где можно было бы остановиться, отдышаться, набраться сил,

подумать, понять что-то важное о себе и своей жизни. Нет. Какое-то непонятное отупение настигает, и можешь только сидеть и «смотреть в дыру облака», как те же Лопух и Крапива. Кстати, даже они мечтают ещё из этой «дыры» уехать. Картинка совсем не идиллическая. Правда никакого раздражения или, тем более, осуждения в голосе автора мы не слышим, хотя и восторгов тоже. Некоторая теплота в интонациях появляется в стихотворениях-воспоминаниях – «Рыжий в коляске – с одной диатезной щекой…», «Был пруд, и в том пруду полно амфибий…», «К открытым дверям музучилища…» и т.п. А в целом, весёлого мало. В целом – «дыра». Категория «дыры» принимается как данность, с которой непонятно, что делать, а приходится просто здесь жить, потому что так уж сложилось:

Как за станцией Ебеня, Ебеня
всё леса, леса да поля.
Во полях – овсы, в овсах – мыши,
вдалеке – непокрытые крыши.

Как по станции Ебеня, Ебеня
проползает медленно жизнь моя
тепловозом смердящим усталым
с длинным, гулко гремящим составом.

У меня кореша тут, семья, родня,
брат – дежурный по станции Ебеня,
кирзачи, судоку и сети
продают в привокзальном буфете…
(«Как за станцией Ебеня, Ебеня…»)

Даже ассортимент привокзального буфета говорит о каком-то сонном идиотизме здешней повседневной жизни. Не то что бы кирзачи и сети не нужны в краю, где «рыбаки – что-то вроде норвежского бога», но почему они продаются в буфете! Судоку – японская головоломка на глухой русской станции – тоже прекрасная иллюстрация бессмысленного, бесцельного, даже абсурдного в своей неразрешимости (почти как сама головоломка) существования. Она, эта судоку, и нужна только для того, чтобы, погрузившись в неё, об этом существовании забыть.

Кстати, это единственное стихотворение в книге, в котором автор сообщает о себе какую-то минимальную информацию: «у меня кореша тут, семья, родня / брат – дежурный по станции Ебеня…». Нужно это только для того, чтобы дать читателю понять, что он, автор, тоже житель страны, а не «проезжал мимо на сапсане», как Николай I, и поэтому имеет право говорить о стране так, как говорит: не осуждая, не раздражаясь, но и не умиляясь.

Вот такая эта страна. Прочитав несколько первых стихотворений, читатель может подумать, что ему предлагается сборник своеобразных милых «буколик» о самобытной русской глубинке. Что ж, можно, наверное, прочесть эти стихи и так. Но всё же книжечка эта нечто большее. Почему-то, ближе к концу, уже не получается, отмахнувшись, сказать: «А, ну это у вас, “там, где снег зарос осокою…”». Нет, это и здесь тоже. Внимательный читатель, закрыв книгу, поймёт, что и он тоже – житель «Страны». Технически этот эффект отчасти достигается за счёт стихотворений, в которых появляются Пушкин, Жуковский, Дельвиг, Бенкендорф и т.д., которых уж никак нельзя отнести только к месточтимым вологодским «святым». Но именно отчасти. Можно сказать, что этим приёмом эффект присутствия усиливается. А создаётся он всё-таки стихами о «коренных жителях страны», образы которых вполне узнаваемы, которые ходят по тем же улицам, что и мы сами. Страна эта везде, а не только в вологодской глубинке. И где бы не

находился читатель – в Ярославской, Рязанской, Нижегородской, Тверской, любой другой области, – и он, оглянувшись, может вслед за автором сказать:

Вот страна моя – флисовая кофта,
серые дома – розовый и жёлтый,
из окна – слова, песенка, и, в общем,
грустная она, а другой не хочешь.

Вот реки волна – флисовая складка,
горькая трава, а на сгибе – сладко,
за рекой – дома, за домами снова –
сторона-страна, ничего такого.